

НАЗВАНИЯ БУДДИЙСКОЙ УТВАРИ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

С. М. Трофимова¹, Б. Х. Борлыкова², Б. Д. Бальжинимаева³

¹Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Элиста, Россия,
e-mail: trofimovasm@mail.ru

²Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Элиста, Россия,
e-mail: borlboskha@mail.ru

³Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова, Улан-Удэ, Россия,
e-mail bairka2002@list.ru

Аннотация. Настоящая статья представляет собой комплексное исследование некоторых названий буддийской утвари в монгольских (халха-монгольском, бурятском, калмыцком) языках. Изучение буддийской лексики в монгольских языках актуально для понимания как истории распространения буддизма, так и развития словарного состава этих языков. Названия буддийской утвари являются интересным объектом для компаративного изучения лексики монгольских языков. *Новизна* работы заключается в том, что авторы, впервые выявляют и анализируют названия буддийской утвари на основе обширного корпуса источников. К ним относятся двуязычные и трехязычные словари, калмыцкий героический эпос «Джангар», разнообразие фольклорные тексты монгольских народов: сказки, загадки, пословицы и поговорки, а также древние письменные памятники («Ригведа», «Аршани номин тууджи» («Сказание нектарного Учения»)). Дополнительным источником для толкования буддийских терминов послужили личные полевые материалы авторов (2010; 2025), собранные в Калмыкии, Бурятии и Монголии. *Целью* статьи является выявление, систематизация и комплексное исследование названий буддийской утвари в монгольских языках (халха-монгольский, бурятский, калмыцкий) с учетом их функционирования в фольклорных текстах. В ходе исследования был применен *комплексный подход*. Для систематического сбора лексического материала использовался метод сплошной выборки. Выявленные лексические единицы были охарактеризованы с помощью описательного метода. Сравнительно-типологический и сравнительно-сопоставительный методы позволили установить общие и специфические черты в лексике буддийской утвари монгольских языков. В результате удалось выявить как унифицированные, так и диалектно-специфические наименования. Авторы приходят к *выводу*, что исследованные материалы представляют собой ценный ресурс для изучения буддийской лексики монгольских народов. Сведения, извлеченные из фольклорных текстов, существенно обогащают и расширяют существующие представления о данной лексической группе. *Установлено*, что основой исследуемой лексики является общемонгольская лексическая база, включающая ранние заимствования, в частности из санскрита. Эти заимствования прошли через древнеуйгурский и тибетский языки, подвергшись предварительному фоморфологическому усвоению и адаптации в соответствии с нормами графики и орфографии принимающих языков. *Перспективы дальнейших исследований* включают введение в научный оборот названий буддийской утвари, что позволит расширить представления о буддийской лексике монгольских языков. Это, в свою очередь, послужит дополнительным источником для нового осмысления данной лексики и будет способствовать проведению более глубоких сравнительных исследований монгольских языков.

Ключевые слова: буддийская лексика, названия буддийской утвари, названия емкостей и сосудов, названия предметов хранения, названия звуковой утвари, монгольские языки, компаративное изучение лексики, лексикографические материалы, фольклорные материалы, полевые материалы, деархаизация

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ 2025-2027 гг. № 25-18-00703 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с домашней утварью и посудой: сравнительно-исторический аспект».

Для цитирования: Трофимова С. М., Борлыкова Б. Х., Бальжинимаева Б. Д. Названия буддийской утвари в монгольских языках. *Эпосоведение*. 2026, 2(42), С. 19–32. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-2-19-32>

Original article

Names of Buddhist objects in Mongolian language

Svetlana M. Trofimova¹, Boskha Kh. Borlykova², Bayarma D. Balzhinimaeva³

¹B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Elista, Russia
e-mail trofimovasm@mail.ru

²B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Elista, Russia
e-mail: borlboskha@mail.ru

³D. Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia
e-mail bairka2002@list.ru

Abstract. This article presents a comprehensive study of some names of Buddhist utensils in the Mongolian (Khalkha-Mongolian, Buryat, and Kalmyk) languages. The study of Buddhist vocabulary in Mongolian languages is relevant for understanding both the history of the spread of Buddhism and the development of the vocabulary of these languages. The names of Buddhist utensils are an interesting object for comparative study of the vocabulary of Mongolian languages. The novelty of this work lies in the fact that the authors, for the first time, identify and analyze the names of Buddhist utensils based on an extensive corpus of sources. These include bilingual and trilingual dictionaries, the Kalmyk heroic epic “Dzhangar”, various folklore texts of Mongolian peoples: fairy tales, riddles, proverbs and sayings, as well as ancient written monuments (such as the Rig Veda and Arshani nomin tuuji (“The Tale of the Nectar Teaching”). The authors’ personal fieldwork (2010; 2025) collected in Kalmykia, Buryatia, and Mongolia served as an additional source for interpreting Buddhist terms. The aim of this article is to identify, systematize, and comprehensively study the names of Buddhist utensils in Mongolian languages (Khalkha-Mongolian, Buryat, and Kalmyk), taking into account their use in folklore texts. A comprehensive approach was employed in the study. A continuous sampling method was used for the systematic collection of lexical material. The identified lexical units were characterized using a descriptive method. Comparative-typological and comparative-contrastive methods made it possible to establish common and specific features in the vocabulary of Buddhist utensils in Mongolian languages. As a result, it was possible to identify both standardized and dialect-specific names. The authors conclude that the materials examined represent a valuable resource for studying the Buddhist vocabulary of Mongolian-speaking peoples. Information extracted from folklore texts significantly enriches and expands existing understanding of this lexical group. It has been established that the basis of the vocabulary under study is a common Mongolian lexical base, including early borrowings, particularly from Sanskrit. These borrowings passed through the Old Uyghur and Tibetan languages, undergoing preliminary phonomorphological assimilation and adaptation in accordance with the graphic and orthographic norms of the host languages. Prospects for further research include introducing the names of Buddhist utensils into scholarly circulation, which will expand our understanding of the Buddhist vocabulary of Mongolian languages. This, in turn, will serve as an additional source for a new understanding of this vocabulary and will facilitate more in-depth comparative studies of Mongolian languages.

Keywords: Buddhist vocabulary, names of Buddhist utensils, names of containers and vessels, names of storage items, names of sound utensils, Mongolian languages, comparative study of vocabulary, lexicographic materials, folklore materials, field materials, dearchaization

Funding: The study was carried out with financial support from the Russian Science Foundation grant for 2025-2027 № 25-18-00703 “The study of the Turkic and Mongolian vocabulary of material culture associated with household utensils and dishes: a comparative historical aspect”

For citation: Trofimova, S. M., Borlykova B. Kh., Balzhinimaeva, B. D. Names of Buddhist objects in Mongolian language. *Eposovedenie*. 2026, 2(42), pp. 19–32. (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-2-19-32>

Введение

В настоящее время наличие архивных и опубликованных материалов практически по всем монгольским языкам создает благоприятные условия для их компаративного лексического изучения. Особенно перспективным и важным с научной точки зрения является сравнительный анализ лексики по тематическим группам, охватывающим различные пласты терминов, связанные с ключевыми сферами жизни монгольских народов – их традиционной хозяйственной деятельностью, материальной и духовной культурой. Такое сравнительно-сопоставительное исследование не только обогащает научное понимание, но и имеет практическое значение для изучения истории и культуры монгольских народов. Одним из значимых лексико-тематических пластов является, в частности, терминология, связанная с буддийской утварью – предметами, используемыми в ритуалах, медитациях, храмовых практиках и повседневной духовной жизни. Данная семантическая группа является неотъемлемой частью буддийской лексики и изучена частично.

Буддийская утварь в этнографическом и искусствоведческом плане исследованы при изучении духовной культуры монгольских народов в трудах П. С. Палласа (Паллас, 1809: 490–529), И. Г. Георги (Георги, 1779: 24–37), А. М. Позднеева (Позднеев, 1993: 24–100), И. А. Житецкого (Житецкий, 1893: 44–48), Н. Цултэма (Цултэм, 1982: 114–134), И. И. Соктовой (Соктовая, 1988), С. Г. Батыревой (Батырева, 1991) и др. В контексте изучения буддийских культовых предметов монголоязычных народов XVIII – первой половины XIX в., Д. В. Иванов подчеркивает, что буддийская утварь монголов – это комплекс ритуальных предметов, связанных с религиозными практиками тибетского буддизма школы гелугпа, они отражают влияние индийской, тибетской и китайской культур, а также национальные особенности монгольского буддизма (Иванов, 2009: 3–4). Русский этнограф И. А. Житецкий, в своих описаниях быта астраханских калмыков XIX в., фиксирует наличие буддийской утвари в кибитках-храмах (*хурла гер*), включая изображения бурханов, священные сосуды и богослужебные инструменты (Житецкий, 1893: 44).

Лексический пласт, связанный с буддийской утварью, на материале бурятского языка, был частично освещен в диссертационных исследованиях Л. Б. Будажаповой («Буддийские термины в современном бурятском языке») и Д. Д. Дондовой («Лексика духовной культуры бурят»). Первая работа ставит целью систематизацию буддийских терминов, анализ их адаптации и функционирования в современном бурятском языке. Вторая работа посвящена сравнительно-историческому исследованию буддийских терминов.

Отдельные аспекты изучения названий буддийской звуковой утвари (музыкальных инструментов) на материале монгольского, бурятского и калмыцкого языков представлены в монографии Ц.-Д. Номинханова «Материалы к изучению калмыцкого языка». Автор последовательно анализирует разновидности каждого музыкального инструмента и ищет их этимологические эквиваленты в тюркских языках. В качестве примера приводится калмыцкое слово *бүрэ* (с его разновидностями: *үкр бүрэ* – большая труба, *чимгн бүрэ* – труба из берцовой человеческой кости, *дуң бүрэ* – раковина), для которого установлены параллели в тибетском (*ганлин*), халха-монгольском (*бүрээ*), бурятском (*бүрээ*), письменном монгольском (*бүрийе*), ойратском (*бүрээ*), а также в тюркских языках: турецком (*бору*) и азербайджанском (*бору*) (Номинханов, 1975: 172–173).

В «Толковом словаре традиционного быта калмыков» Г. Ц. Пюрбеева представлен ряд названий, связанных с буддийской посудой и звуковой утварью. Среди них: *бадр* ‘чашка для сбора

подаяний и пожертвований странствующими монахами'; *бумб* 'маленький чайник для освященной воды', *бөөвр* 'сосуд для благовоний, кадило', *тэклин зул* 'жертвенная лампада', *чаврун* 'небольшой серебряный сосуд круглой формы, в которой монахи хранят воду для полосканий рта', *зулын цөгц* 'лампада', *бүрэ* 'оркестровая труба', *үкр бүрэ* 'большая труба', *чимгн бүрэ* 'труба из человеческой берцовой кости, входившая в состав хурульного оркестра', *дуң бүрэ* 'труба раковина' и др. (Пюрбеев 1996: 126–131; 152). Следует подчеркнуть, что данный пласт лексики остается практически неизученным в современной монголистике. Значительная часть названий буддийской утвари была заимствована монголами из санскрита, пройдя через древнеуйгурский и тибетский языки. Анализ этой лексической группы имеет фундаментальное значение для реконструкции языковой картины мира соответствующей эпохи, понимания процессов формирования национального характера и менталитета народа. Кроме того, его изучение является необходимым условием для полного воссоздания истории становления современных монгольских литературных языков: халха-монгольского, бурятского и калмыцкого.

Целью настоящей статьи является выявление, систематизация и комплексное исследование названий буддийской утвари в монгольских языках (халха-монгольский, бурятский, калмыцкий) с учетом их функционирования в фольклорных текстах. Анализ данной лексики позволит не только определить ее семантические особенности и характер употребления, но и глубже понять историю распространения буддизма и развитие словарного состава монгольских языков. Названия буддийской утвари в монгольских языках до сих пор еще не были объектом специального лингвистического исследования, они рассматривались лишь как составная часть буддийской лексики. Новизна данной работы обусловлена комплексным подходом к анализу материала. Основу исследования составили ценные двуязычные словари, калмыцкий героический эпос «Джангар», а также богатое наследие монгольских народов, представленное сказками, загадками, пословицами и поговорками. Особое внимание уделено древним письменным памятникам, включая «Ригведу» и «Аршани номин тууджи» («Сказание нектарного Учения»). Для углубленного понимания буддийской терминологии были задействованы личные полевые материалы авторов, собранные в ходе экспедиций в Калмыкию, Бурятию и Монголию (2010 г., 2025 г.).

Названия емкостей и сосудов

В фольклорных текстах монгольских и тюркских народов широко упоминается вечнозеленый хвойный кустарник – можжевельник (х.-монг. *арц* 'можжевельник' (БАМРС I, 2001: 157), бур. *арса* (БРС I, 2006), калм. *арц* (КРС, 1977: 52), стпм. *arča* id). В лексикографических работах приводятся различные виды можжевельника, отражая его многообразие: *хонин арц* 'вереск, можжевельник обыкновенный мелкий; казачий можжевельник' (БАМРС I, 2001: 157); *ямаан арц* 'можжевельник горный каменный' (БАМРС I, 2001: 157); *темэн арц* 'название одной из разновидностей можжевельника' (КРС, 1977: 52). Слово *арц* также является ключевым компонентом в мифических топонимах. Например, в калмыцком героическом эпосе «Джангар» встречаются следующие названия: *Арц Зандн хол* 'река Арца Зандан' (букв. 'Можжевело-сандаловая река') – река во владениях Алтан Чеджи; *Арц зандн уул* 'гора Арца Зандан' (букв. 'Можжевело-сандаловая гора') – гора во владениях Алтан Чеджи (Джангар, 2020: 394). В фольклоре подчеркиваются два свойства можжевельника: вечнозеленость и благоухающий аромат: Среди растений можжевельник зеленый, / В воде тина зеленая, / Во вселенной – небо голубое (*Урһмлд арц көк, / Уснд замг көк, / Орчлд теңгр көк* (Пословицы, 2007: 809); Зеленеющая зимой и летом сосна, / Благоухающий можжевельник, / Наполнившие холмы зеленые кусты ежевики (*Увл зун көкрэд бээдг харһа көк, / Унр-танрнь эңкнэд бээдг арц көк, / Адрһ дүүрһ көкрэд бээдг зергн көк* (Пословицы, 2007: 809)).

В буддизме можжевельник используют для окуливания помещений во время медитаций и обрядов. Монголы традиционно изготавливали из него четки (х.-монг. *эрих* (БАМРС IV, 2002: 427); калм. *эркн* (КРС, 1977: 703), веря, что они отпугивают злых духов и устраняют вредоносные влияния. Четки упоминаются в различных фольклорных произведениях. В калмыцкой

сказке «Седкүр бурхны тууж» («История о бурхане Седкүре») герой, спасаясь от преследователей, превращается в главный шарик четок ламы (калм. *эркнэ бумб*) (БСТ, 2008: 24). Этот эпизод имеет параллели в древнеиндийском памятнике «Двадцать пять рассказов Веталы», тибетском сборнике «Игра Веталы с человеком» и монголо-ойратском сборнике «*Сидди кюр*» («Волшебный мертвец»). В «Сказке о юноше сироте» («Өнчн көвүнэ туск тууль») героиня исцеляет всех волшебными четками, подаренными ей ламой (БСТ, 2008: 96). Четки также упоминаются в малых жанрах фольклора, например, в загадке: «Тысяча красных овец, двигается переваливаясь мелкими шажками, / А мой красный баран шагает неторопливо» (*Мицһн улан хөн митр-митр гижэ*, / *Мини улан хуц хотр-хотр гижэ*). Отгадка – «Большой палец, которым перебирают четки» (*Эрк тачах эркэ*) (Пословицы, 2007: 650).

Измельченный можжевельник *санг* хранили в мешочках (х.-монг. *арцны тулам* ‘мешок для можжевельника’ (ПМА 2025: инф. 1), бур. *арсын тулам* (ТСБЯ, 2023: 391), калм. *арцна уут* ‘кожаный мешок для можжевельника’ (ПМА 2025: инф. 3)), а воскуряли его в металлической кадилънице, название которой пришло вместе с предметом из Тибета *spos phor* букв. ‘чашечка для можжевельника’ (х.-монг. *сангийн бойпор* (БРС II, 2008 84), *бозйнуур* – *санзай ууюлдаг амһарта* (ПМА 2025: инф. 2); *бойпор* (БАМРС I, 2001: 255); бур. *бойнуур*; *ээд бойнуур* ‘медная курильница’ (БРС I, 2006: 134); калм. *бөөвр* ‘кадило, курильница’ (КРС, 1977: 114).

Сумки буддийских монахов (х.-монг. *ламын цунх* ‘сумка ламы’ (ПМА 2025, инф. 1), бур. *ламын сүүмхэ* (ПМА 2025, инф. 2), калм. *ламин уут* (ПМА 2025, инф. 3), стпм. *uut-a id.*), являясь важным их атрибутом, были разных видов. Слова *цунх* и *сүүмхэ* являются заимствованиями из русского языка «сумка». Эти сумки различались по своему назначению, форме, способу ношения и другим характеристикам. Как правило, их шили из прочных натуральных материалов, таких как хлопок или шерсть. Наиболее распространенными цветами были красный, желтый и бордовый, гармонирующие с традиционной одеждой монахов. Благодаря длинным ручкам сумки удобно было носить через плечо. Однако существовали и более нарядные, церемониальные сумки, которые изготавливались из шелка (х.-монг. *торго(н)* (БАМРС III, 2001: 229), бур. *торгон* (БРС II, 2008: 249), калм. *торһн* (КРС 1977: 507), стпм. *torɣon. id.*). Шелк традиционно использовался для пошива одежды высших чинов в монгольской церковной иерархии. Эта практика была установлена в XVII веке первым хутухтой (перерожденцем), монгольским Богдо-гегеном Ундур Гэгэн Дзанабадзаром (1635–1723)¹. В загадке ойратов Синьцзяна подчеркивается нескончаемое содержимое монашеской сумки, поскольку в ней хранятся религиозные книги (*ном, джодва*), вмещающие в себя буддийские сакральные знания: Сколько не доставай из красного мешка (ламы) – он не пустеет (ум, знание) (*Улан уутыг уудлв, уудлв эс төгсжэ (ухан)*) (Пословицы, 2007: 655)).

Полевой лексический материал выявил следующие названия для обозначения понятия «мешок/сумка» в анализируемых языках:

х.-монг. *гар уут* / *гарын уут* ‘ручная сумка для личных мелочей (печати, денег, бумаги и ключей от ступы, если лама жил при храме)’, небольшого размера, которая носится в руке или на запястье (ПМА 2025, инф. 1), в бурятском и калмыцком языках этот термин не зафиксирован;

х.-монг. *номын уут* ‘сумка для сутр’ имеет прямоугольную форму, защищает деревянные дощечки и свитки, чаще из ткани, используется для переноски буддийских текстов (МНТТ, 2014: 52), бур. *номой жанша* – *тусхай гуримаар дойбодтуулан гоёожо оёһон, шара улаан үнгэтэй, нэгэ угулдаа ута ооһорттой бурханай ном орёодог тэбхэр бүд* (специальная обертка квадратной формы для религиозных книг) (ТСБЯ II, 2024: 469), в калмыцком языке этот термин не зафиксирован;

х.-монг. *хадагтай уут* / *эсгий хадагны уут* ‘сумка для хранения хадаков, даров, благословений» (МНТТ, 2014: 52), бур. *хадагтай тулам* (ПМА 2025, инф. 2), в калмыцком языке данный термин не зафиксирован.

¹ Одежда лам. URL: <http://www.vom.mn/index.php/ru/p/38135>.

В «Толковом словаре бурятского языка» термин *сабира*, *сабари* имеет значение ‘привешиваемый к одежде ламы с левой стороны квадратный мешочек, в который вставляется фляжка с освященным аршаном, которым лама полоскает рот после приема пищи’: *хайса таниягуйб, габжа юм гү, гэбишэ юмэ гү, харахадамни нэгэ үнөөр үнэлхэн, ... хойно зүүхэн сабиратай* (Х. Намсараев) (ТСБЯ III, 2024: 25). Бурятско-русский словарь термин *сабари* / *сабира* дает схожее толкование: ‘сосуд для священной воды (привешивается к боку ламы с левой стороны; сейчас это квадратный мешочек, куда вставляется фляжка с освященным аршаном; им полоскают рот после еды)’ (БРС II, 2008: 131). Слова *сабира/сабари* в бурятском языке, *чаври* в монгольском языке (БАМРС IV, 2002: 297) являются, видимо, искажением тибетского слова *цабари* ‘квадратный мешочек, сшитый из красного сукна, привешивается к поясу с левой стороны; в нем помещается сосуд с освященной водой рашианом’². Этот сосуд в бурятском языке называется *чаврун* ‘небольшой серебряный сосуд круглой формы (в которой монахи хранили воду для полоскания рта)’ (ТСБЯ III, 2024: 130), в калмыцком языке – *чаврун* ‘маленькая обрядовая серебряная фляжка для воды у гелюнггов)’ (КРС, 1977: 644).

В монгольских языках имеется значительное количество лексем со значением «чашечки, чаши, сосуды, вазы, кувшины, чайники, посуды для подношений».

Обязательным атрибутом буддийских монахов-бадарчинов является *патра* – ‘чаша для сбора подаяний’ (х.-монг. *бадар* ‘чаша для сбора пожертвований, подаяния, потир’; *алтан бадар* ‘золотой потир’; *бадар аяга* / *бадар* ‘чаври, жертвенная чаша’ (БАМРС I, 2001: 213); бур. *бадар аяга* ‘монашеская чаша для сбора пожертвований’ (БРС II, 2006: 103); калм. *бадарин ааһ* / *бадр* / *бадьр ааһ* ‘чашка для сбора подаяний странствующими монахами’ (КРС, 1977: 75); стпм. *badar* id.). Данное слово в монгольских и тюркских языках (тув. *бадар* ~ мадар, падар, падыр ‘большая деревянная чашка’ id, алт. *бадар* id (Татаринцев, 2000: 171) является заимствованием из санскрита *pātra*, пришедшим через древнеуйгурский или тибетский языки (Шойбонова, 2009: 297). Термин «бадарчины» охватывал несколько категорий лиц, связанных с буддийской традицией. К ним относились монахи, исключенные из монастырской общины по различным причинам, а также ламы, специально направляемые для проведения религиозных обрядов в кочевых поселениях. Кроме того, в эту группу включались монахи, совершавшие паломничества к буддийским святыням Китая и Тибета, как пешком, так и верхом³. В Монголии термин «бадарчи» применялся к монахам, чья деятельность заключалась в сборе подаяний.

В фольклоре монгольских народов часто встречается образ бадарчина с патрой. Народное отношение к этому персонажу было противоречивым: его могли изображать с симпатией и уважением, отмечая его ум, находчивость и справедливость. Однако, нередко его высмеивали с сарказмом, подчеркивая глупость, жадность, распутство и беспринципность. Типичные истории повествуют о его попытках найти ночлег и еду у равнодушных хозяев или о его словесных поединках с влиятельными людьми. Это двойственное отношение народа к бродячим ламам отражено в монгольских и калмыцких поговорках (*Бадарчин явбал балагтай*, / *Батгана суувал өттэй* – Бадарчин пройдет – неприятности, / *Муха посидит – опарыши*⁴; *Бадрчн йовсн һазрт барчд тодхр олн*, / *Батхн йовсн һазрт өтн хорха олн* (Пословицы, 2007: 420) – В местах, где бадарчин побывает, неприятностей много, / А где мухи посидят, там червей – насекомых много), которые говорят о том, что их появление ассоциировалось с проблемами. Чаша для сбора подаяний «патра» часто упоминается в монгольских переводах палийских джатак. Так, в сюжете «Сын брахмана» бедный юноша делает подношение горохом Будде Кашьяпе, одна

² Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890–1907. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron.

³ Ням-Очир Г. Бадарчин тийрэн бүтээсэн нь. Архивная копия от 4 марта 2016 URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Бадарчин>.

⁴ Цэцэн үг цээжинд... Дата обращения: 15 июля 2011. Архивировано 3 апреля 2010 года. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Бадарчин>.

из горошин попадает в патру Будды и его желание исполняется, он рождается в следующей жизни сыном царя-чакравартина⁵ и становится владыкой четырех материков и тридцати трех стран (Меняев, 2025: 177).

В «Большом академическом монгольско-русском словаре» слово *бумба* имеет два значения: 1) кувшин, ваза; сосуд; 2) урна (БАМРС I, 2001: 283). В «Кратком словаре кочевников-монголов» («Монгол нүүдэлчдийн тайлбар толь») описываются различные виды сосудов, среди которых *бумба* выделяется как ‘сосуд с высоким горлышком, округлой формой и без ручек, изготовленный из металлов (золото, серебро, медь, латунь и др.) методом литья’ (МНТТ, 2014: 176); *даллагын бумба* ‘сосуд, используемый в обрядах привлечения удачи и благословения (*даллага*)’ (МНТТ, 2014: 176). В калмыцкой сказке «Богатырь Хара Чикен с конем Хар-Хур» («Хар-Хур мөртэ Хар Чикн баатр») герой участвует в трех состязаниях, в последнем состязании необходимо было добыть волшебный сосуд-бумб, хранящий живительный нектар, который сокрыт «между небом и землей»: *Хорвдгч мархан – теңгэр хазр хойрин шавилһнас бумбта ариша авч ирхмн* ‘Третье состязание – в промежутке между небом и землей добыть сосуд-бумб с целебным нектаром’ (ХТ, 1968: 170–171).

Священный буддийский сосуд *бумба* состоит из следующих семи частей: *амсар* ‘устье сосуда’; *толгой* ‘верхняя часть сосуда, символизирующая завершенность и связь с высшими силами’; *тогосын өд* ‘перо павлина, используемое для окропления (священного разбрызгивания) воды’; *даллагын сум* ‘ритуальная стрела благословения, закрепляемая в сосуде при проведении обряда *даллага*’; *бадам* ‘цветок лотоса (часто изображаемый или вырезанный), символизирующий чистоту и пробуждение’; *бие* ‘тело сосуда’; *ёроол* ‘основание, дно сосуда, символизирующее устойчивость и прочность’ (МНТТ, 2014: 176).

В «Бурятско-русском словаре» Л. Д. Шагдарова и К. М. Черемисова данный термин трактуется следующим образом: *бумба/бумбэ* ‘священный сосуд, ваза (в нем хранится *аршан* для освящения, а также в основании храма закапывается этот сосуд со священными драгоценностями и молитвами)’ (БРС I, 2006: 153), бур. *бумбэйн булшан* – *бумбын нуури* ‘ножка кувшина’;

калм. *бумб* ‘маленький чайник с водой для религиозных целей’ (КРС, 1977: 119); данный сосуд предназначен для хранения *аршана* и входит в состав восьми благих подношений – *нэгмн тэкл*, занимая в них третье место по значимости.

Следующим видом сосуда является х.-монг. *хумах* (стпм. *qutqa* <санскр. *kumbha*) ‘сосуд для священной воды (*рашааны бумба*), применяемый при очищении’; х.-монг. *аравнайн бумба* ‘сосуд, закладываемый в основание храма при строительстве в качестве *шүнийиг* (ритуальной реликвии)’ (МНТТ, 2014: 176). В античные времена на землях Средней Азии для сохранения пищевых припасов широко применялись глиняные емкости, известные как хумы. Исследователь В. А. Лившиц полагает, что «корень слова *хум(б)* уходит в древнеиранский язык, где оно обозначало вместительный глиняный сосуд. Самое раннее документальное свидетельство использования термина «хум» обнаружено в документе № 1 из Нисы, датируемом II веком до нашей эры⁶. В калмыцком языке этот сосуд называли *хуувч*: *Арвн хойр алтн хуувчгин усиг ора деернь кеж серуль* ‘Разбудили его, вылив на макушку воду из двенадцати золотых кувшинов’ (КРС, 1977: 614).

Кроме этого, в монгольских языках есть названия культовых чаш: х.-монг. *цөгц* ‘чашка (для масла, жертвенных зерен и т. д.)’ (БАМРС IV, 2002: 267), бур. *сүгсэ* ‘бронзовая (латунная, цинковая или медная) чашечка в виде приплюснутого бокала (для священной воды или жертвенных зерен) подношений’ (БРС II, 2008: 200), калм. *цөгц* (диалект. *чогч*) ‘чарка; чашечка, чаша’, ‘жертвенная чаша’ (КРС, 1977: 638), стпм. *čögüče* id. В калмыцком языке упомянуты виды

⁵ Чакравартин (санскр. *sakra-vartin*, букв. «тот, который поворачивает колесо») – в буддийском учении нарицательное название идеального правителя. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Чакравартин>.

⁶ Дьяконов И.М., Дьяконов М.М., Лившиц В.А., Массон М.Е. Налоговые парфянские документы II века до н.э. из Нисы. М.-Л.: 1951. 68 с.

культовых чаш: *зул/зулын цогц* ‘лампада’ (КРС, 1977: 638), *деежцин цогц* ‘жертвенные чаши’ (Джангар, 2020: 679); *таклин цогц* ‘чаши для подношения воды’. В эпосе «Джангар» и сказочной прозе копыта лошади сравниваются с жертвенными чашами: *Деежцин цогц болгсн / Дөрвн туруһан дегц өргэд* (Жаңһр, 1978: 329) ‘Копыта свои, / Подобные жертвенным чашам, поднимая разом’⁷. Часто герой, поймав коня, угрожает ему: если он не доставит его в нужное место вовремя, то он из его копыт сделает чаши для подношения божествам. (*Чамэг эн ажрһд күргэд эс өгхлэчн, дөрвн болд туруһарчн таклин цогц кенэв* (БСТ, 2008: 121) ‘Если не довезешь меня вовремя к этому жеребцу, то я из твоих стальных копыт сделаю чаши для подношения’).

В монгольском и бурятском буддизме металлические мандалы служили популярной посудой для сбора подаяний и до сих пор украшают алтари буддийских храмов. Мандала с санскрита *maṇḍala* означает «круг», «диск» или «круговой», является одним из ключевых сакральных символов буддийской мифологии. Само понятие «мандала» как круглого объекта впервые встречается в «Ригведе» – древнейшем памятнике индийской литературы на ведийском языке, сборнике религиозных гимнов. В тибетском буддизме мандала трактуется как сфера буддийской космологии (земля, огонь, вода) и как магическая диаграмма ритуала. В монгольском языке слово приобрело значения «круг», «диск», а также «круглое блюдо с символическими изображениями, употребляемое при жертвоприношениях» (БАМРС II, 2001: 319), см. *мандалын тавцан* (*мандал тавих тавиур*) ‘поднос для подношения мандалы’; бур. *мандал* ‘жертвенный поднос: представляющий круглое металлическое блюдо – медное или золотое; на нем выковывается изображение вселенной в том виде, в каком она представляется по буддийской космологии, т. е. в самом центре мандала выковывается возвышение, символизирующее гору Сумеру’ (БРС II, 2008: 536), калм. *мандл* ‘блюдо (для жертвоприношений)’ (КРС, 1977: 341), *стпм. mandal id*. Например, *Тэрэ мандаа дээрэ үргэхэ юумээ табидаг; гуулин мандаа гууляар хэһэн түхэрээн хабтагар амһарта* ‘жертвенное блюдо из меди’; *мүнгэн мандаа мүнгөөр хэһэн үргэлэй амһарта* ‘жертвенное блюдо из серебра’⁸.

Полевой лексический материал выявил следующие названия для обозначения понятий «чашечки, чаши, сосуды, вазы, кувшины, чайники, посуда для подношений» в анализируемых языках: х.-монг. *галбинг* (*ганга*) ‘сосуд с водой для окропления’; *баменг* ‘маленькая чаша (обычно наполненная водой, рисом, благовониями)’ (ПМА 2025: инф. 1); калм. *цацур* ‘ковш, культовая принадлежность’; *донжг* ‘специальный сосуд, который использовали в состоятельных семьях и храмах, обтягивали медными или серебряными обручами, декорировали чернением’ (ПМА 2025: инф. 3); в ойратской загадке «Чай для монахов в золоченном сосуде-донжг» (*Алтлсн донжг, бумблсн цэ*), отгадка – яйцо (*өндгн*); бур. *тахил* ‘посуда для подношения’; *дугэбээ* – *ороһотой тахил* ‘чашечки с зерном’; *дэбэр* – *зулын тоһо хэдэг амһарта* ‘чайник для теплого масла’ (ПМА 2025: инф. 2); *габала* ‘ритуальная чаша из человеческого черепа’, *голдо* ‘ритуальная чашечка для свечи’, *сугсэ* ‘бронзовая или медная чашечка в виде приплюснутого бокала для священной воды или жертвенных зерен’, *тодба* ‘чашечка из человеческого черепа’ (ПМА 2025: инф. 1).

Названия предметов хранения

В ходе полевых исследований авторами статьи были выявлены и задокументированы лексемы, называющие предметы хранения «божницы, футляры, ящики, шкафы, сундуки, столы», некоторые из которых отсутствуют в лексикографических работах: *гунгарбаа* ‘божница, киот (своеобразный иконостас)’; в агинском говоре бурятского литературного языка *бурханай шэрээ* ‘божница’ (ПМА 2025: инф. 2); *орд харш* ‘шкафчик для хранения божницы’ (ПМА 2010: инф. 4); бур. *яндар* – *бурханай урдуурхи богони хушэгэ* ‘короткая занавеска перед божницей’; *лабари* – *бурханай шэрээ дээрэхи тэбхэр хушэгэ* ‘занавеска квадратной формы над божницей’; *бадан*

⁷ Здесь и далее перевод авторов

⁸ Толковый словарь бурятского языка. ИМБИТ СО РАН. URL: <https://edbl.ru>.

жалсан – лабаришн дүрбэн углууда үлгэгдэдэг олон үнгын торгоор оёгдоһон гоёолто ‘украшение из разноцветного шелка над божницей’ (ПМА 2025: инф. 2); х.-монг. дүгжүү ‘масляная лампа, светильник, символизирующий просветление’; судрын хайрцаг ‘футляр для священных книг’; нага (цан) ‘парные тарелочки, создающие звон при ритуалах’, тайз ширээ ‘алтарь, где размещают статуи, ступы и подношения’ (ПМА 2025: инф. 1); х.-монг. хужний ховд ‘ящик для благовоющих курительных свечей’, сумны ховд ‘футляр или коробка для хранения ритуальных стрел (сум)’; авдар ховд ‘ящик/сундук для хранения вещей, в том числе церемониальных предметов’ (ПМА 2025: инф. 2); бур. сүмэ 1) ‘продолговатый ящик для хранения божков и религиозных принадлежностей’; 2) ‘божница’; 3) ‘небольшой ящичек с застекленной дверцей (для божков и танка)’; сүмэ согоо торгон жаништай «Доржо жодбо», «Жадамба» гэхэ зэргын бурханай номуудаа хадагалаад байха «в божнице (или специальном продолговатом ящике) хранят буддийские сочинения «Дорж жодба», «Жадамба» и другие в шелковой обертке» (БРС II, 2008: 202). тахилай шэрээ ‘жертвенный стол’ (ПМА 2025: инф. 1).

В традиционном монгольском жилище, юрте, ховды («сундуки», «ящики») размещаются строго в соответствии с их назначением, следуя определенным сторонам света, ассоциирующимся с животными-символами: авдар ховд (сундук для ценностей) располагается на северо-востоке, в так называемой «стороне быка» (үхэр зугт), на специальной сундуковой полке, в нем хранят шелковые ткани, золотые и серебряные украшения, амулеты, церемониальные платки, а также различные аксессуары и предметы наряда; сумны ховд (сундук для стрел) устанавливается в северо-западной части, «стороне кабана» (гахай зугт); сангийн ховд (сундук для подношений) размещается на алтаре с изображениями божеств, в юго-восточном углу, «стороне мыши» (хулгана зугт). Ховд играет важную роль в монгольских свадебных традициях. Например, во время свадьбы отец невесты (хадам аав) достает из сумны ховда ритуальную стрелу. Произнеся благословение (ерөөл), он вручает ее жениху, сопровождая это песней: «Открой свой ховд, покажи свой прекрасный шелк, раскрой свои уста...». Эта церемония символизирует добрые пожелания и богатство для новой семьи (МНТТ, 2014: 181). Традиционный ховд состоит из четырех основных частей: онгоц – корпус, основная часть сосуда или ящика; суурь – основание, подставка или нижняя часть ящика, обеспечивающая его устойчивость; хавхаг – крышка ящика; сархинаг – оберточная или защитная ткань, покрывающая ящик или его содержимое (ПМА 2025: инф. 2).

Названия звуковой утвари

Среди буддийской утвари особое место занимает так называемая «звуковая утварь», применяемая в богослужениях, медитациях и церемониях. Буддизм, как и многие другие религии, признает исключительную роль звука в мироздании. Согласно этому учению, вся Вселенная представляет собой бесконечно звучащую субстанцию, где каждый элемент вибрирует и излучает звуковые волны различной интенсивности. Причастность к миру звуков и музыки подтверждается изображениями многих персонажей буддийского пантеона с музыкальными инструментами в руках (Адыгбай, 2022: 200). Буддийская звуковая утварь монгольских народов включает духовые (аэрофоны) и ударные музыкальные инструменты двух типов: мембранофоны (с натянутой мембраной в качестве источника звука) и идиофоны (где звук издает сам материал инструмента или его часть) (Борлыкова, 2012: 52).

Аэрофоны: дунг (монг. дун(г), калм. дуң, бур. дун, стпм. *dung* id < тиб. *duñ*) ‘раковина; труба, изготовленная из морской раковины дун’. Раковина, используемая как рог, символизирует в буддизме призыв к пробуждению: Долан сай шевнрнь / Догшин цаһан дуңгин дууһар / Дуулсн, дүркрсн бээдг ‘Семь миллионов шебенеров, / По трубному звуку белых раковин сойдысь, / Торжественно поют (гимны)’ (Джангар, 2020: 338); ганлин (х.-монг. ганлин (БАМРС I, 2001: 377), калм. чимгн бүрэ ‘труба из кости’ (КРС, 1977: 128), стпм. *yangling* id.) – металлический дульцевый инструмент (Борлыкова, 2012: 52), раньше его изготавливали из человеческой берцовой кости; бүрэ (х.-монг. бүрээ(н) ‘труба, рожок, горн’ (БАМРС I, 2001: 38); калм. бүрэ (КРС, 1977:

127–128), бур. *бүрээ* (БМРС, 1951: 136)) – вентильная труба, изготовленная из латуни с мундштуком из трех частей. Храмовый инструмент монахов-лам, символизирующий хобот слона и его «голос» (тиб. *дунг-чен* или *раг-дунг*) (Борлыкова, 2012: 32–33): *Дун, бүрэхин дунь / Догшин хату дэн нутгт / Күцкнжэ соңсгдв* ‘Звуки их дунга и труб / В стране грозного воинственного (хана) / Рокотом отдаются’ (Жанһр, 1978: 218).

Мембранофоны: *кенкерге* (калм. *кеңкрэ*, х.-монг. *хэнгэрэг*; бур. *хэнгэрэг*) – ‘разновидность двухстороннего барабана’; этимология данного слова, видимо, связана со звукоподражанием *кең/хэнг* (Борлыкова, 2012: 47–48): *Кеңкрэ кедү дуута болв чиг / Эс делдвл ду хардг уга* ‘Каким бы громким не был барабан, / Если не ударить по нему, он не зазвучит’ (Пословицы, 2007: 430); *Дэвэд оркхнь / Кеңкрэгэн дун харна* ‘Хлестнешь его / Звук барабана раздается’ (Жанһр, 1978: 335); *дамару* – ‘маленький двусторонний барабанчик, символизирующий соединения мудрости и метода’ (калм. *дамр*, х.-монг. *дамар*, бур. *дамар* (Борлыкова, 2012: 50)).

Идиофоны: *хонхо* (калм. *хоңх* ‘металлический колокольчик’, ‘символ пустоты и звука истины’; х.-монг. *хонх(он)* ‘колокол, колокольчик’ (Борлыкова, 2012: 52), бур. *хонхо* (БМРС, 1951: 580)) – ‘колокол, колокольчик’ – в загадке *Көндө гер көндрхлэри, жсиңнэж* (При движении пустая юрта зазвенела); отгадка – «колокольчик» (*хоңх*) (Пословицы, 2007: 693); *галайн хонх* ‘колокольчик из человеческой кости в тантрических обрядах’ (ПМА 2025: инф. 1); *цанг* ‘соударяемые металлические тарелки, литавры’ (Борлыкова, 2012: 53) (калм. *цаң*, бур. *сан(г)*, х.-монг. *цан* <тиб. *cha lang* id) (Пословицы, 2007: 508) / *Келхнь – кеңкрэ, цаң, / Кехнь – хашиң бух* (Как говорить словно барабан и музыкальная тарелка, / А как работать, словно ленивый бык); *нага* ‘парные тарелочки, создающие звон при ритуалах’ (ПМА 2025: инф. 1).

Заключение

Исследование лексикографических и фольклорных материалов монгольских народов позволило выявить значительный корпус названий буддийской утвари. К ним относятся следующие категории: емкости и сосуды (мешочки, сумки, мешки, чашки, чаши для подаяния, сосуды, чайники, вазы, кувшины, подносы), предметы хранения (божницы, футляры, ящики, шкафы, сундуки, столы), а также звуковая утварь (музыкальные инструменты). Часть этих лексем представлена как в фольклорных текстах, так и в письменных памятниках. Основой данной лексики является общемонгольская лексика, включающая ранние заимствования из других языков, в частности из санскрита. Эти заимствования попали к монголам через древнеуйгурский и тибетский языки в различные периоды распространения буддизма. Традиционно исследователи выделяют три основные волны распространения буддизма в Монголии: с I в. н. э. до середины XIII в.; в период империи Юань (XIII–XIV вв.) и в период Цин (XVII – начало XX вв.)⁹. Исследованные материалы являются ценными источниками для изучения буддийской лексики монголоязычных народов, а сведения из фольклорных текстов значительно дополняют и расширяют существующие знания.

В заключение следует подчеркнуть, что словарный состав халха-монгольского, бурятского и калмыцкого языков в последние годы существенно пополняется терминами, обозначающими буддийскую посуду и утварь. Эти лексемы вновь стали востребованными и активно функционируют в современных монгольских языках, обретая актуальность. Наличие этих названий свидетельствует о необходимости их систематического изучения и составления специализированных словарей. Материалы экспедиций и командировок в места компактного проживания монгольских народов, собранные в рамках данного проекта, предоставляют ценную лексическую базу. В настоящее время перед нами стоит задача выявления, описания и, по возможности, словарной фиксации данной лексико-семантической группы.

⁹ Туранская А. А. Буддийские рукописи и ксилографы на тибетском, монгольском и ойратском языках в Российской национальной библиотеке. URL: <https://expositions.nlr.ru/ve/RA9153/buddizm-v-mongolii>.

Принятые сокращения

алт. – алтайский язык
 бур. – бурятский язык
 инф. – информант
 калм. – калмыцкий язык
 санскр. – санскрит
 стпм. – старописьменный монгольский язык
 тиб. – тибетский язык
 тув. – тувинский язык
 х.-монг. – халха-монгольский язык

Полевые материалы авторов

ПМА 2025, инф. 1 – муж. 1974 г.р. запись 2025 г. на монг. яз. (Бурятия, Иволга), Зорикто лама;
 ПМА 2025, инф. 2 – муж. 1985 г.р. запись 2025 г. на бур. яз. (Бурятия, Иволга), Чимид-Дорж лама;
 ПМА 2025, инф. 3 – муж. 1980 г.р. запись 2025 г. на калм. яз. (Калмыкия, Элиста), Баатар лама.
 ПМА 2025, инф. 4 – муж. 1933 г.р. запись 2010 г. на калм. яз. (Калмыкия, Элиста), Боктаев Шаня Васильевич.

Литература

1. Адыгбай, 2022 – Адыгбай Ч.О., Карелина Е.К. Звуковая культура буддизма в Туве. *Вестник музыкальной науки*. 2022, 10(2), С 196–206. <https://doi.org/10.24412/2308-1031-2022-2-196-206>
2. БАМРС I, 2001 – Пюрбеев Г.Ц. (ред.) *Большой академический монгольско-русский словарь*: в 4 т. Т. 1. А–Г. М.: Academia, 2001. 486 с.
3. БАМРС II, 2001 – Пюрбеев Г.Ц. (ред.) *Большой академический монгольско-русский словарь*: в 4 т. Т. 2. Д–О. М.: Academia, 2001. 507 с.
4. БАМРС III, 2001 – Пюрбеев Г.Ц. (ред.) *Большой академический монгольско-русский словарь*: в 4 т. Т. 3. Ё–Ф. М.: Academia, 2001. 438 с.
5. БАМРС IV, 2002 – Пюрбеев Г.Ц. (ред.) *Большой академический монгольско-русский словарь*: в 4 т. Т. 4. Х–Я. М.: Academia, 2002. 501 с.
6. Батырева, 1991 – Батырева С.Г. *Старокалмыцкое искусство*. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1991. 127 с.
7. БМРС, 1951 – Черемисов К.М. (ред.) *Бурят-монгольско-русский словарь*. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 852 с.
8. Борлыкова, 2012 – Борлыкова Б.Х. *Калмыцкая музыкальная терминология*. Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2012. 176 с.
9. БРС I, 2006 – Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. *Бурятско-русский словарь*: в 2 т. Т. 1. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. 707 с.
10. БРС II, 2008 – Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. *Бурятско-русский словарь*: в 2 т. Т. 2. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008. 707 с.
11. БСТ, 2008 – Борлыкова Б.Х. (ред.) *Буутан Санжсин туульс* (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов: в 2 кн. Кн. 1. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с. (на калмыцком яз.).
12. Будажапова, 2000 – Будажапова Л.Б. Буддийские термины в современном бурятском языке: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2000. 148 с.
13. Георги, 1779 – Георги И.Г. *Описание всех в Российском государстве обитающих народов*. Ч. 1–2. СПб.: Имп. Академия наук, 1779. 78 с.
14. Джангар, 2020 – Манджиева Б.Б., Горяева Б.Б., Селеева Ц.Б. (ред. и др.) *Калмыцкий героический эпос «Джангар»: Малодербетовский цикл*. М.: АО «Первая Образцовая типография», Филиал «Чеховский Печатный Двор», 2020. 544 с. (Свод калмыцкого фольклора) (на калмыцком и рус. яз.).
15. Дондокова, 2001 – Дондокова Д.Д. Лексика духовной культуры бурят: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2001. 187 с.
16. Жаңһр, 1978 – Кичиков А.Ш., Михайлова Г.И. (ред.) *Жаңһр. Хальмг баатрлг дуулвр* (25 бөлгин текст: 1–2 боть) (Джангар. Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен)). М.: Наука, ГРВЛ, 1978. Т. 1. 441 с. (на калмыц. яз.).

17. Иванов, 2009 – Иванов Д.В. Буддийские культовые предметы у монголоязычных народов в XVIII – первой половине XIX века в собрании МАЭ РАН: история собирания, атрибуция, особенности художественного стиля: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2009. 170 с.
18. КРС, 1977 – Муниев Б.Д. (ред.). *Калмыцко-русский словарь*. М.: Русский язык, 1977. 765 с. (на калмыц. и рус. яз.)
19. Меняев, 2025 – Меняев Б.В. «Сказание нектарного Учения» («Arṣāni nomiyin tuuji») как памятник ойратской литературы: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2025. 291 с.
20. МНТГ, 2014 – Сүлд-Эрдэнэ Г. (ред.) *Монгол нүүдэлчдийн тайлбар толь* (Энциклопедия кочевого быта монголов). Улаанбаатар: Монсудар, 2014. 611 с. (на монгольском яз.).
21. Номинханов, 1975 – Номинханов Ц.-Д. *Материалы к изучению калмыцкого языка*. М.: Наука, 1975. 327 с.
22. Паллас, 1809 – Паллас П.С. *Путешествие по разным провинциям российской империи*. СПб.: Имп. Акад. наук, 1809. 116 с.
23. Позднеев, 1993 – Позднеев А.М. *Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу*. [Репринт. изд.]. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1993. 492 с.
24. Пословицы, 2007 – Пюрбеев Г.Ц., Тодаева Б.Х. (ред.) *Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая*. Элиста: Джангар, 2007. 839 с. (на калмыцком и рус. яз.).
25. Пюрбеев, 1996 – Пюрбеев Г.Ц. *Толковый словарь традиционного быта калмыков*. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1996. 176 с.
26. Соктоева, 1988 – Соктоева И.И. *Изобразительное и декоративное искусство Бурятии*. Новосибирск: Наука, СО, 1988. 159 с.
27. Татаринцев, 2000 – Татаринцев Б.И. *Этимологический словарь тувинского языка*. Новосибирск: Наука, 2000. 341 с. (на тувинском и рус. яз.).
28. ТСБЯ II, 2024 – Сундуева Е.В., Бальжинимаева Ц.Ц., Бабуев С.Д. и др. (ред.) *Толковый словарь бурятского языка в 4 томах*. Том II. Улан-Удэ: Изд-во «Нандир», 2024. 689 с.
29. ТСБЯ III, 2024 – Сундуева Е.В., Бальжинимаева Ц.Ц., Даржаева Н.Б. *Толковый словарь бурятского языка в 4 томах*. Том III. Улан-Удэ: Изд-во «Нандир», 2024. 827 с.
30. ТСБЯ, 2023 – Сундуева Е.В., Бальжинимаева Ц.Ц., Бабуев С.Д., Цыренов Б.Д. (ред.) *Толковый словарь бурятского языка в 4 томах*. Том I. Улан-Удэ: Изд-во «Нандир», 2023. 718
31. ХТ, 1968 – Бембин Ш. (ред.) *Хальмг туульс*. Манжин Санжас бичж авсн Бембин Ш. (Записано от Санджи Манжикова А. Ц. Бембеевой). Часть II. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. 264 с. (на калмыцком яз.).
32. Цултэм, 1982 – Цултэм Н.-О. *Искусство Монголии*. М.: Изобразительное искусство, 1982. 232 с.
33. Шойбонова, 2009 – Шойбонова С.В. Ономастикон монгольского романа: этнолингвистический аспект. В кн.: *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология*. Материалы международной научной конференции (Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г.). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2009. С. 296–299.

References

1. Adygbay, 2022 – Adygbay ChO., Karelina EK. The Sound Culture of Buddhism in Tuva. *Bulletin of Musical Science*. 2022; 10(2). pp. 196–206 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2308-1031-2022-2-196-206>
2. LAMRD 1, 2001 – Pyurbееv GTs. (ed.) *Large Academic Mongolian-Russian Dictionary: in 4 volumes*. Vol. 1. A–G. Moscow: Academia Publ.; 2001. 486 p.
3. LAMRD 2, 2001 – Pyurbееv GTs. (ed.) *Large Academic Mongolian-Russian Dictionary: in 4 volumes*. Vol. 2. D–O. Moscow: Academia Publ.; 2001. 507 p.
4. LAMRD 3, 2001 – Pyurbееv GTs. (ed.) *Large Academic Mongolian-Russian Dictionary: in 4 volumes*. Vol. 3. Ö–F. Moscow: Academia Publ.; 2001. 438 p.
5. LAMRD 4, 2001 – Pyurbееv GTs. (ed.) *Large Academic Mongolian-Russian Dictionary: in 4 volumes*. Vol. 4. Kh–Ya. Moscow: Academia Publ.; 2002. 501 p.
6. Batyreva, 1991 – Batyreva SG. *Old Kalmyk Art*. Elista: Kalmyk Book Publ. House; 1991. 127 p. (in Russian)
7. BMRD, 1951 – Cheremisov KM. (ed.) *Buryat-Mongolian-Russian Dictionary*. Moscow: State Publ. House of Foreign and National Dictionaries; 1951. 852 p.
8. Borlykova, 2012 – Borlykova BKh. *Kalmyk musical terminology*. Elista: JSC NPP Dzhangar Publ.; 2012. 176 p. (in Russian).

9. BRD 1 – Shagdarov LD., Cheremisov KM. *Buryat-Russian Dictionary: in 2 volumes*. Vol. 1. Ulan-Ude: Republican Printing House; 2006. 707 p.
10. BRD 2 – Shagdarov LD., Cheremisov KM. *Buryat-Russian dictionary: in 2 volumes*. T. 2. Ulan-Ude: Republican Printing House; 2008. 707 p.
11. BST, 2008 – Borlykova BKh. (ed.) *Butan Sanjin tuuls (Tales of Sanji Butaev). Recorded from 1971–1978: in 2 books*. Book 1. Elista: KIGI RAS Publ. House; 2008. 308 p. (in Kalmyk).
12. Budazhapova, 2000 – Budazhapova LB. Buddhist terms in the modern Buryat language: Candidate's dissertation (Philology). Ulan-Ude: 2000. 148 p. (in Russian).
13. Georgi, 1779 – Georgi IG. *Description of all peoples inhabiting the Russian state*. Part 1-2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences; 1779. 78 p. (in Russian).
14. Dzhangar, 2020 – Mandzhieva BB., Seleeva TsB., Goryaeva BB. (eds. and others) *The Kalmyk Heroic Epic "Dzhangar": The Maloderbetovsky Cycle*. Moscow: JSC "Pervaya Obraztsovaya Typography", Branch of "Chekhov Printing House"; 2020. 544 p. (Collection of Kalmyk Folklore) (in Kalmyk and Russian).
15. Dondokova, 2001 – Dondokova DD. Vocabulary of spiritual culture of the Buryats: Candidate's dissertation (Philology). Ulan-Ude: 2001. 187 p. (In Russian).
16. Dzhangar, 1978 – Kichikov ASH., Mikhailov GI. (ed.) *Jangyar. Khal'mg baatrl'g duulvr* (25 bolgin text: 1–2 bot) (Dzhangar. Kalmyk heroic epic (texts of 25 songs)). Moscow: Nauka Publ., GRVL; 1978. Vol. 1. 441 p. (in Kalmyk).
17. Ivanov, 2009 – Ivanov DV. Buddhist cult objects among Mongolian-speaking peoples in the 18th – first half of the 19th centuries in the collection of the MAE RAS: history of collecting, attribution, features of artistic style: Candidate's dissertation (Philology). St. Petersburg, 2009. 170 p. (in Russian).
18. KRD, 1977 – Muniev BD. (ed.) *Kalmyk-Russian Dictionary*. Moscow: Russkiy Yazyk Publ.; 1977. 765 p.
19. Menyaev, 2025 – Menyaev BV. "The Legend of the Nectar Teaching" ("Aršāni nomiyn tuuji") as a monument of Oirat literature: Candidate's dissertation (Philology). St. Petersburg: 2025. 291 p. (in Russian).
20. MNTT, 2014 – Suld-Erdené G. (ed.) *Mongol nyidelchdiyn tailbar tol'* (Encyclopedia of the nomadic life of the Mongols). Ulaanbaatar: Monsudar Publ.; 2014. 611 p. (in Mongolian).
21. Nominhanov, 1975 – Nominhanov Ts.-D. *Materials for the study of the Kalmyk language*. Moscow: Nauka Publ.; 1975. 327 p. (in Russian).
22. Pallas, 1809 – Pallas PS. *Journey through various provinces of the Russian Empire*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences; 1809. 116 p. (in Russian).
23. Pozdneev, 1993 – Pozdneev AM. *Essays on the life of Buddhist monasteries and the Buddhist clergy in Mongolia in connection with the latter's relationship to the people*. [Reprinted ed.]. Elista: Kalmyk Book Publ. House; 1993. 492 p. (in Russian).
24. Proverbs, 2007 – Todayev BKh., Pyurbeev GTs. (ed.) *Proverbs, Sayings, and Riddles of the Kalmyks of Russia and the Oirats of China*. Elista: Dzhangar Publ.; 2007. 839 p. (in Kalmyk and Russian).
25. Pyurbeev, 1996 – Pyurbeev GTs. *Explanatory Dictionary of Traditional Kalmyk Lifestyle*. Elista: Kalm. Book Publ. House; 1996. 176 p. (in Kalmyk and Russian).
26. Soktoeva, 1988 – Soktoeva II. *Fine and decorative art of Buryatia*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 1988. 159 p. (in Russian).
27. Tatarintsev, 2000 – Tatarintsev BI. *Etymological Dictionary of the Tuvan Language*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 2000. 341 p. (in Tuvan and Russian).
28. EDBL 2, 2024 – Sundueva EV., Balzhinimaeva TsTs., Babuev SD., Tsyrenov BD. (eds.) *Explanatory Dictionary of the Buryat language in 4 volumes*. Volume 2, Ulan-Ude: Nandir Publ.; 2024. 689 p.
29. EDBL 3, 2024 – Sundueva EV., Balzhinimaeva TsTs., Darzhaeva NB. (eds.) *Explanatory Dictionary of the Buryat Language in 4 volumes*. Volume III. Ulan-Ude: Nandir Publ.; 2024. 827 p.
30. EDBL 1, 2024 – Sundueva EV., Balzhinimaeva TsTs., Babuev SD., Tsyrenov BD. (eds.) *Explanatory Dictionary of the Buryat Language in 4 volumes*. Volume 1. Ulan-Ude: Nandir Publ.; 2023. 718 p.
31. HT, 1968 – Bembin S. (ed.) *Halmg tuuls*. Манжин Санжас бичж авсн Bembin Sh. (Recorded from Sanji Manzhikov A.Ts. Bembeeva). Part 2. Elista: Kalm. Book Publ. House; 1968. 264 p. (in Kalmyk).
32. Tsultem, 1982 – Tsultem N.-O. *Art of Mongolia*. Moscow: Fine Art Publ.; 1982. 232 p. (in Russian).
33. Shoibonova, 2009 – Shoibonova SV. *Onomasticon of the Mongolian Romance: Ethnolinguistic Aspect. Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology*. Proceedings of the International Scientific Conference (Ekaterinburg, September 8–12, 2009). Ekaterinburg: Publ. House of the Ural University; 2009. pp. 296–299 (in Russian).

Об авторах

Трофимова Светлана Менкеновна, доктор филологических наук, профессор, и.о. руководителя Научного центра монголоведных и алтаистических исследований ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», ORCID: 0000-0003-1812-7117, e-mail: trofimovasm@mail.ru

Борлыкова Босха Халгаевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научного отдела, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова», ORCID: 0000-0001-9264-3430, Scopus Author ID: 57219252992, e-mail: borlboskha@mail.ru.

Бальжинимаева Баярма Дашидондоковна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Центральной Азии Восточного института Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, ORCID: 0000-0001-6852-7835, e-mail: bairka2002@list.ru

About the authors

Svetlana M. Trofimova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Acting Head of the Research Center for Mongolian and Altaic Studies, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, ORCID: 0000-0003-1812-7117, e-mail: trofimovasm@mail.ru

Boskha Kh. Borlykova, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Scientific Department, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, ORCID: 0000-0001-9264-3430, Scopus Author ID: 57219252992, e-mail: borlboskha@mail.ru.

Bayarma D. Balzhinimaeva, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Central Asian Philology, Eastern Institute, Dorzhi Banzarov Buryat State University. ORCID: 0000-0001-6852-7835, e-mail: bairka2002@list.ru

Вклад авторов / Authors' contribution

Трофимова С.М. – разработка концепции исследования, проведение исследования, создание черновика рукописи, руководство исследованием, получение финансирования

Борлыкова Б.Х. – разработка концепции исследования, методология, проведение исследования, создание черновика рукописи, редактирование, руководство исследованием

Бальжинимаева Б.Д. – создание черновика рукописи

Svetlana M. Trofimova – conceptualization, investigation, writing – original draft, supervision, funding acquisition

Boskha Kh. Borlykova – conceptualization, methodology, investigation, writing – original draft, writing – review & editing, supervision

Bayarma D. Balzhinimaeva – writing – original draft

Конфликт интересов / Conflict of interests

Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию / Submitted 12.12.2025

Поступила после рецензирования / Revised 01.03.2026

Принята к публикации / Accepted 18.05.2026